

**Александр Валентинович
Ефремов** — кандидат исторических
наук, специалист по историософии

«Дух суровый византийства»

Одним из важнейших и интереснейших вопросов нашей истории остается вопрос о том, какие факторы позволили маленькому Московскому княжеству увеличить свою территорию в восемьсот (!) раз и стать величайшим государством Нового времени. И это притом что геополитические, ландшафтные и климатические обстоятельства были для Москвы крайне неблагоприятными. А ведь никакой другой славянский народ не сумел создать не только империи, но даже просто значительной государственности, возможно, за исключением Польши XVI века. Кроме того, русские оказались творцами художественной культуры мирового значения и первыми отправили человека в космос. Думается, что одним из факторов, определивших блестящую историческую судьбу нашего Отечества, стал, пользуясь выражением Анны Ахматовой, «дух суровый византийства», чаще именуемый византизмом. Сра-

зу отмечу, что как всякое явление, связанное с национальными архетипами, византизм не имеет исчерпывающего определения. Точнее, имеющиеся определения не полностью передают характер этого феномена. Собственно сам термин «византизм» ввел один из самых интересных русских мыслителей Константин Леонтьев. В своей знаменитой книге «Византизм и славянство» он дал такую характеристику византизма: «<...> византизм в государстве значит — самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных Церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире <...> византийский идеал не имеет <...> преувеличенного понятия о земной личности». К тому же, по мнению Леонтьева, византизм склонен «к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты». Он «отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов», и «он есть сильнейшая

Константин Леонтьев:

«Византизм в государстве значит – самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных Церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире <...> византийский идеал не имеет <...> преувеличенного понятия о земной личности».

антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства».

Таким образом, византизм — это прежде всего православное мироощущение (мировосприятие). Важнейшим обстоятельством тут является убежденность в том, что подлинное, неискаженное христианство оставлено нам святыми отцами первых семи веков. Поэтому православие есть полнота христианства, и основная цель каждого поколения — сохранить ее в первоначальной чистоте. Это — глубоко консервативный постулат, причем консервативный не в смысле застывшей конфуцианской статичности, а манифестировавший развитие, жизнь. Постулат, укорененный в трансцендентном, исключавший латинское «догматическое развитие», прида-

вавший православному сознанию четкую определенность и формулировавший задачи провиденциальной миссии истинно христианской нации, далеко выходившие за рамки узкогосударственного бытия. Самодержавие в понятии византизма не тождественно европейскому абсолютизму, даже «просвещенному». Православный царь — набожный правитель, ведущий народ к спасению.

В условиях Московской Руси ореол божественного избранничества охватывал не только правящего автократора, но и его род (династию). В то же время византизм хотя и был производной православной религиозности, но не являлся гипертрофированно расши-

ренной церковностью. Он был еще и идеологией национального (затем имперского) государственного созидания, призванного обеспечить единство абсолютного и относительного, то есть державного строительства и стремления к Абсолюту (достижению полноты разрешения религиозных задач). Иначе говоря, византизм, подобно двуглавному орлу, был обращен и к Церкви, и к государству. Он оказался тождественен сущности христианского государства, оставаясь ядром национального бытия, поскольку его сакральной задачей было сохранение высших интересов православного царства, по степени своей глубины имевших религиозный характер. Симфония Церкви и государства четко фиксировалась в чине венчания на царство, включавшем таинство миропомазания, через

которое верующему подаются дары Святого Духа.

Любая преемственность, в том числе цивилизационная, — вещь сложная и многовариантная. Византизм, в отличие от византинизма (то есть воспроизведения внешних культурных форм империи ромеев), не стал достоянием всей православной Ойкумены. Скажем, рыхлая, свободная и веселая Киевская Русь не поддавалась его суровому духу. Впрочем, это государственное образование существовало исторически очень недолго. Более того, в конце ее политического бытия, в правление Владимира Мономаха и особенно Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, уже явно проступали суровые черты византизма. Но в полной мере византизм оказался востребован на далекой северо-восточной окраине бывшей Киевской Руси, в уделе потомков благоверного великого князя Александра Невского — Москве.

Александр сделал выбор, позднее повторенный и умиравшей Византией. Союзу с папизмом он предпочел подчинение восточным варварам, которые не претендовали на душу нации — православие. До сих пор наши соотечественники, страдающие болезнью европейниченья (термин Николая Данилевского), винят Александра в «исторической ошибке». Время, однако, показало и доказало его правоту.

Москва, став органичным соединением военного лагеря и монастыря, превратилась в город, который «слезам не верит». Железной рукой московские князья начали строить новую Русь. Рядом с князьями стояли святители и преподобные, чье участие в собирании земли не ограничивалось только духовным наставничеством, но органично сочетало Божие и кесарево. Так, в условиях подлинной симфонии духовной и светской властей,

Николай Пимоненко. Пасхальная заутреня в Малороссии. 1891

в постоянном служении сформировался особый человеческий тип. Этот тип сделал возможным в XIV–XV века соби- рание земель, созидание православной державности последующих двух столетий, свет- ский империализм в его петер- бургском и советском вариан- тах. Указанный человеческий тип вполне укладывается в ле- онтьевское определение ви- зантизма. Тут и преклонение перед мощью и величием госу- дарства, включавшее в себя пietet к носителям власти, и суровая церковность (пусть даже ложная, как было в со- ветскую эпоху, когда место Церкви заняла партия). Здесь, наконец, и презрение к ме- щанскому идеалу, столь ха- рактерному для городской культуры Европы (с поза- прошлого столетия этот идеал стал доминантой западного бытия), и разумное, трезвое понимание слабости челове- ческого естества (предрасполо-

Православие есть полнота христианства, и основная цель каждого поколения – сохранить ее в первоначальной чистоте. Это – глубоко консервативный постулат, причем консервативный не в смысле застывшей конфуцианской статичности, а манифестировавший развитие, жизнь.

женности к греху). Кроме того, для московского человека ко- нечный идеал правды и спра- ведливости находился вне ис- каженного грехом мира сего, что делало его абсолютно чуж- дым латинскому легализму. Удивительно, но известные сатирические строки Бориса Алмазова: «Широки натуры русские. Нашей правды идеал не влезает в формы узкие юри- дических начал», – довольно точно передают это свойство великороссов. То есть тип ин- дивидуального сознания, сформированный византиз- мом, был склонен выносить понятия окончательной прав- ды и справедливости за преде- лы естественно-правовых ка- тегорий в сферу посмертного

воздаяния. При этом сфор- мированное византизмом со- знание было почти чуждо при- земленному этноцентризму. И, кстати, допускало куда большую, в сравнении с ла- тинским Западом, долю тер- пимости по отношению к ино- верию. Именно подобное об- стоятельство позволило му- сультманским народам По- волжья относительно безбо- лезненно стать частью Мос- ковского государства. Падение Византийской им- перии произвело сильнейшее потрясение во всем христиан- ском мире. Но для Москов- ской Руси важнейшим оказа- лось то, что, по яркому опре- делению Данилевского, «дрях- лая Византия показала миру

Константин Мирошник, Наталья Кургузова-Мирошник. Владимир Мономах. 1998

В конце политического бытия Киевской Руси, в правление Владимира Мономаха и особенно Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, уже явно проступали суровые черты византизма.

невиданный пример духовного героизма. Она предпочла политическую смерть и все ужасы варварского ига измене вере (подчинению папству. — *А.Е.*), ценой которой предлагалось спасение». Акт национально-государственного мученичества, продемонстрированный православной империей, Русь восприняла как идеальный поведенческий стереотип и затем многократно демонстрировала, что истина доказывается пролитием не чужой крови, а своей собст-

венной. И хотя любой идеал находится в постоянном конфликте с реальностью, он остается идеалом только там, где за него готовы отдавать силы, здоровье и даже сами жизни. Без именно такого восприятия идеала русское православие могло погибнуть не только в чудовищных гонениях советского времени, но даже в рационалистических искушениях XVIII века. Любопытно, что как раз наследница Византии — православная Россия — выступила через три

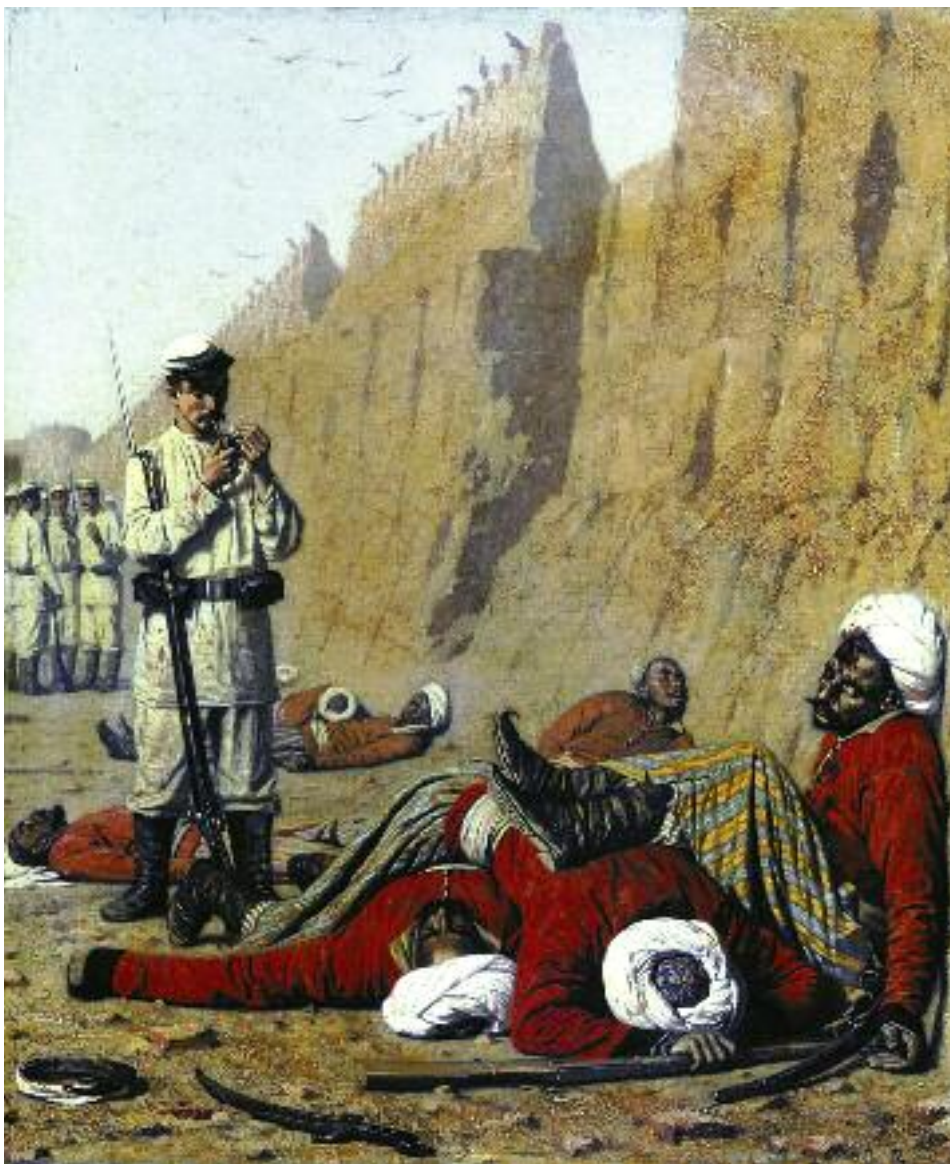
века в качестве исторического мстителя против сокрушившей царство ромеев Османской империи.

В начале XVI века старец Филофей сформулировал политико-эсхатологическую концепцию «Москва — Третий Рим». Как бы жестоко ни критиковали эту идею различные, в том числе отечественные, авторы, неоспоримым является факт создания русскими великой континентальной империи, единственного государственного образования на азиатско-европейском пограничье, сопоставимого с Римской империей. Даже временный захват Москвы Наполео-

Александр Невский сделал выбор: союзу с папизмом он предпочел подчинение восточным варварам, которые не претендовали на душу нации – православие.

Василий Верещагин. После неудачи. 1868

Наследница Византии – православная Россия – выступила через три века в качестве исторического мстителя против сокрушившей царство ромеев Османской империи.

ном — эпизод, подобный захвату Древнего Рима предками французов — галлами. Более того, российское имперское устройство типологически повторяло римскую и особенно византийскую государственные модели. В идее «Москва — Третий Рим» византизм получил окончательную формулу своей духовно-политической миссии.

Как писал святитель Феофан Затворник, «Запад для нас и искушение, и наказание». В прорубленное Петром Великим окно в Европу задул ветер,

чуть не сбивший все основания духовной жизни России. Секулярная революция, проведенная «большевиком на троне» (Николай Бердяев), одним из своих следствий имела появление типа русского европейца, чуждого старой московской традиции, чьей душой был византизм. Русский европеец, часто еще и инородец, хотя и малочисленный, но почти два века определял жизнь государства. Блестящие внешнеполитические успехи петербургской империи во многом основывались

на эксплуатации византийских черт народного характера. Тем не менее ее светский империализм, почти лишенный религиозного основания, становился все непонятнее для большей части нации. Для народа куда более весомым казался мотив освобождения города святой Софии — Царьграда — и единоверцев из-под власти басурман, чем геополитические рассуждения о завоевании Проливов. Ну, а выросший на финских болотах, выстроенный в неведомом русскому человеку стиле, названный не по-русски Санкт-Петербургом новый столичный город стал просто вещественным доказательством разрыва имперской власти со старой традицией. Петр создавал новую столицу как анти-Москву. Расплата наступила не сразу, но зато была неслыханно ужасной. Катастрофа 1917 года и последовавшая за ней гражданская война, эпидемии и голод унесли жизни миллионов человек.

Захвативший страну большевизм первоначально, безусловно, можно определить как радикальное западничество. Однако после краха надежд на мировую революцию началась его поразительная метаморфоза. Грандиозный социальный эксперимент привел в политику и общественную жизнь миллионы людей из низших сословий, прежде всего крестьянства, практически уничтожив старые элиты, связанные с петербургским европеизмом. Эти люди несли в себе мощный заряд традиционного московского византизма. Ленин быстро понял опасность, говоря: «<...> надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». «Тончайший слой» не сумел спра-

виться с разбуженными революционной силой. Ведь большевизм, как и идущий следом фашизм, обладал колоссальным утопическим зарядом, а это потенциально превращало марксизм в эрзац-религию, а партию — в квазицерковь, что, кстати, дало основание Бердяеву говорить о наступившем в Европе Новом Средневековье. В реалиях этого Нового Средневековья произошла реконкиста русского византизма («московского человека» по Георгию Федотову), и случилось стремительное по историческим меркам невиданное возвышение основанной Иосифом Сталиным модернизированной русской государственности. А вот глубоко чуждая духу византизма хрущевская оттепель, де-факто ставшая новой волной вестернизации, оказалась началом конца советского проекта.

Однако после распада СССР и кошмара 1990-х византизм — или, по крайней мере, его остатки — сыграл непоследнюю роль в деле стабилизации и даже некоторого возрождения нашей державности. Россия так и не стала частью западного мира, оставаясь самостоятельным центром силы. Нынешние политические элиты — в сущности, наследники среднего звена советской хозяйственной, спецслужбистской и военной бюрократии. Они, в отличие от высшей партийной номенклатуры, не несут — или почти не несут — ответственности за крах СССР. Более того, их приход к власти являлся альтернативой завиральному европобесию времен Бориса Ельцина. Очевидны и четко обозначенные этими элитами реставрационные тенденции, направленные не только на имперский, но и на советский периоды нашей истории. Важно и показательно, что именно этой части отечественного политического спектра удалось на относи-

Неизвестный художник. Портрет Эрнста Иоганна Бирона. 1730

Русский европеец, часто еще и инородец, почти три века определял жизнь государства, блестящие внешнеполитические успехи которого во многом основывались на эксплуатации византийских черт народного характера. Тем не менее этот светский империализм, почти лишенный религиозного основания, становился все непонятнее для большей части народа.

тельно долгое время получить безусловную поддержку абсолютного большинства граждан России. У этих людей еще сохраняется великий дух российского мессианского империализма и политического гегемонизма, пусть и ограниченный относительно (в сравнении с Советским Союзом) скромными возможностями нынешнего государства. Все это значит, что идеологические и социально-политиче-

ские практики сегодняшней РФ, повторяя неизбежные в современном мире мантры о демократии, будут, насколько возможно, обращаться к извечному великорусскому византизму как традиционной части национального самосознания, которая не мыслит себя вне великой государственности и способна противостоять разлагающему и растлевающему духу западного либертианства.